

С. Ф. Старостина

Астраханский филиал Краснодарского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ АФФЕКТА

Преступное поведение часто бывает связано с эмоциональными переживаниями субъекта, поэтому проблема аффекта имеет большое значение для уголовного права. Рассматривая проблему преступного поведения, юрист прежде всего интересуется правовой оценкой поведения; что же касается его психологической структуры, то она является непосредственным предметом изучения психологии. Однако при оценке преступного поведения юрист не может не учитывать его психологические элементы, поскольку они служат одним из оснований, определяющих степень общественной опасности деяния и личности виновного.

Структура составов преступлений, совершенных в состоянии аффекта, сложна. Законодатель в ст. 107, 113 УК РФ выдвигает не только юридические, но и психологические критерии.

Эмоции и их влияние на преступное поведение

Эмоциональная сфера человека – это сфера внутренней, душевной жизни. Эмоциональное переживание – это состояние индивида. Оно характеризует в целом Я, но не какую-нибудь часть субъекта. Это означает, что эмоции являются переживанием целостного содержания.

Эмоциональные переживания оказывают определенное влияние на поведение индивида. Естественно, они могут обусловить и преступное поведение. Эмоции, зачастую являясь следствием осознания потребности, в первую очередь воздействуют на активность субъекта. «Эмоции формируются в ходе человеческой деятельности, направленной на удовлетворение его потребностей; возникая, таким образом, в деятельности индивида, эмоции или потребности, переживаемые в виде эмоций, являются вместе с тем побуждениями к деятельности» [1, с. 460]. Овладевая душевной сферой индивида, эмоции воздействуют на процесс мотивации в этом направлении, что повышает ценность объекта, удовлетворяющего потребность, и наоборот. Как следствие, то, что вчера субъекту казалось менее ценным, при сильной эмоции может показаться несравненно более ценным. Эмоции оказывают влияние на социальный контроль. Они могут снизить, а сверхсильные эмоции – даже снять социальный контроль, вызвать дезорганизацию волевой сферы. Чем более высокой интенсивностью и глубиной характеризуются эмоции, тем в большей степени овладевают они сознательной сферой индивида и тем сильнее влияют на выбор поведения. Интенсивность эмоций затрудняет осознание импульсивно протекающего поведения, снижает самоконтроль и тем самым правовой контроль.

Случаи совершения преступления без всякого эмоционального переживания встречаются редко, однако не всякое переживание представляет интерес с правовой точки зрения. Вместе с тем уголовное законодательство в ряде случаев большое значение придает отдельным эмоциональным переживаниям как при индивидуализации наказания, так и при квалификации преступлений.

Аффект – это эмоциональное переживание, характеризующееся особой интенсивностью. Он возникает при наличии особого интенсивного чувства и является юридической точкой переживания. В большинстве случаев аффект вызывается «конфликтом противоположно направленных тенденций, сверхтрудным положением – задержкой какой-нибудь навязчивой тенденции, или вообще сверхсильным эмоциональным возбуждением» [1, с. 195]. Законодатель самое большое внимание уделяет аффекту гнева.

Аффект гнева, являясь практической точкой эмоциональных переживаний, обычно вызывается сверхсильными конфликтными ситуациями, когда объектом гнева в основном выступает человек, «виновный» в создании конфликта. Определенное, нежелательное для индивида поведение вызывает бурный взрыв чувств, который создает психическое состояние, именуемое диссонансом. Оно является состоянием побуждения или напряжения. Наличие диссонанса вызывает потребность его уменьшения, что в сознательной сфере отражается как потребность мести. Мсть при аффекте гнева является средством удовлетворения потребности уменьшения диссонанса. Потребность мести, вызывающая аффект гнева, тормозит интеллектуальную деятель-

ность. Овладев душевной сферой индивида, сильная эмоция гнева толкает его на поведение, удовлетворяющее импульс потребности. Так как при подобном аффекте уже дан объект гнева, потребность мести при определенной ситуации может создать установку поведения, которая без процесса мотивации разряжается в преступное поведение (убийство, телесные повреждения и т. п.). Для обоснования уголовной ответственности при таком сильном эмоциональном переживании, каким является аффект гнева, следует иметь в виду то, что поведение в аффекте гнева не лишено сознательного контроля.

Поведение при аффекте гнева не может считаться осознанным (обдуманым) в психологическом смысле этого слова. Но такой характер поведения человека может иметь и в других случаях, не исключая уголовную ответственность. Процесс осознания самого поведения имеет место лишь при волевом воздействии, что касается аффекта гнева, то отдельные этапы поведения, которое в целом осуществляется под влиянием актуальной потребности (потребности мести), протекают как бы сами собой. Преступное поведение при аффекте гнева направляется установкой, соответствующей актуальной ситуации. Именно эта установка направляет хотя и неосознанное, но все же целесообразное поведение субъекта. Вместе с тем нельзя сказать, что преступное поведение в состоянии аффекта гнева полностью оторвано от сознания. Неосознанность вовсе не означает того, что оно (поведение) абсолютно не связано с сознанием человека. В отличие от патологического аффекта, в котором наблюдается полное помрачение сознания, бессвязное сочетание идей и амнезия, при физиологическом аффекте наблюдается лишь сужение сознания и несвязанность ассоциативных идей.

Действие при физиологическом аффекте, как и всякое импульсивное поведение, направляется установкой и является целесообразным, но необдуманным поведением.

Следует отметить, что лицо при аффекте гнева не теряет способности к обузданию импульсов потребности и подчинения своего поведения правовому контролю.

Основываясь на данных экспериментального исследования аффектов, А. Р. Лурия пришел к выводу, что конфликт вызывает тем более резкое аффективное состояние, чем ближе к моторной сфере он разыгрывается: здесь, в аффективном состоянии нарушаются прежде всего высшие автоматизмы, утрачиваются обобщенные схемы действий. По мере того как конфликт переносится в интеллектуальную сферу, его патогенное влияние обычно ослабляется, и аффект легче поддается преодолению [2]. Из положения, выдвинутого А. Р. Лурия, которое разделяет и С. А. Рубинштейн, ясно следует, что вопрос о преодолении аффекта тесно связан с вопросом о способности к переносу установки поведения в мотивационную сферу. Так как при аффекте гнева индивид не утрачивает такой способности, можно утверждать, что он не утрачивает и способности к «преодолению аффекта».

Хотя аффект гнева является кратковременным эмоциональным состоянием взрывного характера, однако, по нашему мнению, условно в нем (подобно патологическому аффекту) можно выделить три стадии или фазы: зарождение и развитие аффекта, аффективную разрядку и заключительную стадию. В первой фазе аффекта гнева возникает потребность мести, которая начинает переживаться в виде эмоции гнева, затем интенсивность эмоций быстро нарастает, и при определенной ситуации молниеносно может возникнуть установка преступного поведения, которая без мотивации находит разрядку в преступном действии (вторая фаза). Способность к подавлению аффекта связывается с первой фазой, ибо в зарождении и развитии аффекта уже дана установка преступного поведения, возможность переноса данной установки в мотивационную сферу и вместе с тем способность к подавлению аффекта; что касается второй фазы, т. е. аффективной разрядки, то она является уже реализацией установки преступного поведения, поэтому считать, что в этот момент существует способность к подавлению аффекта, будет необоснованным.

Можно выдвинуть положение, что аффект не является причиной выбора преступного поведения. Аффект гнева – в основном эмоциональное переживание потребности мести. Потребность не является причиной выбора того или иного шаблона поведения, она выступает лишь как источник активности. Природа потребностей не меняется и в состоянии аффекта гнева. Сильная потребность мести, переживаемая при аффекте гнева, толкает индивида на удовлетворение этой потребности. При этом дан и объект гнева, против которого направлено поведение субъекта. Эмоциональный взрыв, сужая сознательную сферу, затрудняет перенос установки поведения в мотивационную сферу. Потребность мести, усиленная эмоциональной вспышкой, толкает индивида на то, чтобы кратчайшим путем удовлетворить потребность, затрудняя при этом взвешивание ситуации и обдумывание своего поведения.

Импульсивность поведения в состоянии аффекта гнева затрудняет процесс мотивации при выборе поведения. Именно поэтому выбор поведения происходит необдуманно, но не случайно, ибо и при аффекте индивид все же находится под определенным воздействием социального контроля. Субъект при участии в социальных группах отрабатывает определенные шаблоны поведения. Этот процесс происходит под социальным контролем и является следствием самоконтроля, который актуализируется по мере формирования Я-образа. Разные варианты формы поведения, зачастую являясь продуктом обдумывания, программируются в сознании как возможные варианты поведения при наличии определенной ситуации, т. е. как шаблоны поведения.

Для выработки шаблонов поведения особое значение имеет так называемая «фиксация установки», которая вырабатывается в тех случаях, когда определенное поведение неоднократно повторяется, и, соответственно, неоднократно возникает определенная установка поведения. В таких случаях установка остается в субъекте как готовность к актуализации в случае повторности определенных условий. Шаблоны поведения устанавливаются индивидом не только благодаря фиксации установки, но и благодаря воображаемой репетиции.

Если вследствие социального контроля из ситуации удовлетворения потребности исключен определенный объект или определенное поведение, то индивид не совершит подобного поведения импульсивно. Поэтому гражданин с высоким правосознанием даже в состоянии аффекта гнева не может совершить убийство для удовлетворения потребности мести, либо благодаря правовому контролю убийство вообще исключено из шаблонов его поведения. Субъект, совершивший преступление в состоянии аффекта, тем самым выявляет свое подлинное социальное лицо. Хотя преступление в таком состоянии не было продуктом обдумывания, однако оно не объясняется случайностью, а выражает общую воленправленность индивида, показывает его отношение к данной системе социальных ценностей, ибо преступное поведение необдуманно берется из арсенала шаблонов поведения действующего, которые могут быть заранее созданы благодаря волевым процессам.

Изложенное позволяет сделать вывод, что при установлении ответственности за аффективное преступление следует исходить из тех моментов, которые принимаются во внимание при суждении о других умышленных преступлениях.

Таким образом, ***аффективное преступление является следствием снятия правового контроля при способности к самоконтролю.*** Это преступление совершается субъектом воли при наличии способности к воздержанию от преступного поведения, поэтому он и несет ответственность за содеянное [3]. Аффект играет роль катализатора, является ослабляющим фактором «социальных тормозов», тем самым способствуя совершению преступления, но не фактором, объясняющим совершение преступления. Поэтому аффект признается обстоятельством смягчающим, но не исключаящим уголовную ответственность.

Субъективная сторона аффективного преступления

Аффект отрицательно характеризует субъекта с этической точки зрения, поэтому для признания аффекта обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность, необходимо установить, что аффект возник по извинительным причинам.

Для применения ст. 107, 113 УК РФ законодатель выдвигает психологический критерий – лицо, совершившее преступление, должно находиться в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. При отсутствии подобного эмоционального переживания исключается применение вышеуказанных статей.

Для аффекта, наряду с другими моментами, характерна внезапность возникновения, при нем волнение носит характер вспышки [4]. В аффект может перерасти и обычное волнение. В таких случаях мы имеем дело с внезапностью в том смысле, что количественный рост интенсивности волнения внезапно перерастает в качественное изменение – вспышку. Тем самым обыкновенное волнение принимает характер внезапной вспышки сверхсильного эмоционального переживания. Подобные случаи в основном наблюдаются тогда, когда субъект, переживающий волнение, получает новое травмирующее впечатление. Таким образом, внезапность, о которой сказано в законе, указывает на характер самого волнения. Законодатель, говоря о внезапности возникновения сильного душевного волнения, имеет в виду аффект. Законодатель не дает прямого указания, должно ли ответное действие виновного немедленно следовать за противо-

правным поведением потерпевшего. Нет прямого ответа и на то, должен ли быть приведен в исполнение возникший в состоянии аффекта преступный умысел тотчас же или спустя определенное время. Решение этих вопросов возможно лишь с учетом природы самого аффекта. Если аффект может возникнуть лишь непосредственно вслед за противозаконным или аморальным поведением потерпевшего, тогда применение ст. 107, 113 УК РФ будет оправдано только в том случае, когда сильное душевное волнение немедленно следует за противоправным поведением потерпевшего, и наоборот. То же самое следует сказать и о внезапности осуществления преступного умысла, возникшего в состоянии аффекта.

Не вызывает сомнения, что аффект прежде всего является непосредственной ответной реакцией на противозаконное поведение потерпевшего. Однако не исключена возможность, что ранее полученная сильная душевная травма может вновь ожить в связи с определенным фактом, вызвавшим эмоциональную вспышку, аффект гнева.

Для установления существования аффекта необходимо всестороннее изучение каждого конкретного случая. Однако для достижения этой цели иногда недостаточен филигранный анализ самого происшествия. Разные люди по-разному реагируют на одни и те же раздражители. Некоторые характеризуются легкой вспыльчивостью, другие наоборот. Люди отличаются друг от друга не только вспыльчивостью характера, но и продолжительностью и глубиной эмоциональных переживаний. Переживания, ведущие к совершению преступления, зачастую бывают сложными и многогранными. Интенсивность, глубина и внешнее выражение переживаний могут меняться на протяжении определенного времени. Особое значение приобретает «аккумуляция аффекта», когда субъект от неоднократных переживаний душевных травм так напрягается, что может дать несоответствующую воздействию аффективную разрядку. Для решения этих сложных вопросов, связанных с установлением наличия аффекта, могут потребоваться специальные знания психологов и психиатров. Поэтому в некоторых случаях для решения вопроса о том, находился ли субъект в момент совершения преступления в состоянии аффекта, необходимо привлекать экспертов – психологов и психиатров.

Условия оправданности (извинительности) аффекта

Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность лишь за убийство и нанесение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта. Между тем в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения можно причинить и легкий вред здоровью или нанести побои, умышленно уничтожить имущество и т. п.

Аффектированный умысел несовместим с приготовительными к преступлению действиями, ибо, как правило, он непосредственно выражается в совершении преступления. Иначе решается вопрос в отношении покушения. Возможность покушения на убийство и нанесение телесных повреждений в состоянии аффекта не исключены.

Соучастниками преступления, наряду с исполнителем, закон признает организаторов, подстрекателей и пособников. С аффективным умыслом несовместима подготовительная стадия преступления, а для организации преступления необходима подготовка. Вследствие этого, в преступлениях, совершенных в аффекте, не может быть соучастника-организатора, в то время как другие виды соучастников – соисполнители, подстрекатели, пособники – при совершении этих преступлений могут быть.

Аффект гнева является индивидуальным и моментальным состоянием субъекта, переживающего эмоцию гнева [5]. Поэтому в момент совершения преступления один из соучастников может находиться в состоянии аффекта, а другой – нет. В связи с этим может возникнуть определенная сложность в вопросе о квалификации подобных случаев.

Согласно общему правилу, соучастники несут ответственность за то же преступление, что и исполнители. Но из этого правила есть исключение. Таким исключением является случай, когда один из соучастников обладает таким субъективным свойством, которое законодатель рассматривает в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. По нашему мнению, в случаях аффективного преступления основанием для смягчения наказания является субъективное состояние лица, совершившего преступление в состоянии интенсивной эмоции гнева, которая уменьшает способность к самоконтролю. Естественно, что соучастник, который не находился в состоянии аффекта, не может рассчитывать на смягчение наказания, ссылаясь на то, что исполнитель находился в состоянии аффекта.

Вопросы квалификации аффективного преступления

Источником возникновения аффекта, так же как и источником возникновения состояния необходимой обороны, является неправомерное посягательство потерпевшего. При этом в обоих случаях достаточна объективная противоправность. Вместе с тем как в одном, так и в другом случае вред причиняется непосредственному источнику опасности. Есть некоторое сходство и в субъективной стороне преступлений, совершенных в состоянии аффекта и с превышением пределов необходимой обороны – ни одно, ни другое преступление не может быть совершено предумышленно. В то же время лицо, превысившее пределы необходимой обороны, часто находится в состоянии аффекта.

Внешнее сходство этих близких, но по существу разных институтов, создает в практике судебных органов определенную сложность их разграничения. Вследствие этого вопросу об отграничении аффективного преступления от превышения пределов необходимой обороны Верховному Суду РФ следует уделить особое внимание.

Рассматривая основные точки зрения, высказанные учеными (Г. А. Кригер, И. И. Слуцкий, В. И. Ткаченко) [6–8] по вопросу об отграничении аффективного преступления от превышения пределов необходимой обороны, нельзя согласиться с мнением, согласно которому единственным признаком разграничения вышеуказанных институтов признается мотив преступления, и критерий разграничения аффективного преступления от превышения пределов необходимой обороны усматривается в самой опасности посягательства. Необходимо отметить, что трудно требовать от обороняющегося заведомого знания того, являются ли опасным для жизни и здоровья удары и побои, которые наносит ему и другим лицам нападающий; нельзя требовать от обороняющегося, который зачастую находится во взволнованном или подавленном состоянии, вызванном неожиданностью нападения, чтобы он заранее предугадал последствия, да еще в такой амплитуде, как легкий вред здоровью или смерть. Кроме того, трудно утверждать, что состояние необходимой обороны вызывает лишь насилие, которое заведомо опасно для жизни либо здоровья лица или половой неприкосновенности. Подобное ограничение не вытекает ни из закона, ни из судебной практики.

Вместе с тем не всякое общественно опасное посягательство по степени своей опасности может вызвать состояние необходимой обороны, хотя оно может оправдать возникновение аффекта.

Аффект не оправдан и исключает возможность применения ст. 107, 113 УК РФ, если будет установлено, что виновный сам спровоцировал драку, чтобы под предлогом оскорбления или насилия расправиться с потерпевшим. Аффект не является оправданным, и поэтому виновный не может ссылаться на насилие или нанесение ему оскорблений, если установлено, что он является инициатором ссоры или драки, а оскорбление или насилие со стороны потерпевшего является лишь ответным действием.

Итак, уголовно-правовое значение аффекта включает в себя проблему поведения в уголовном праве; эмоции и их влияние на преступное поведение, субъективную сторону аффективного преступления; условия оправданности (извинительности) аффекта, вопросы квалификации аффективного преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1946. – С. 195, 460.
2. Лурия А. Р. Докторская диссертация, 1933.
3. Сидоров Б. В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – С. 42.
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания. – М.: МГУ, 1984. – 200 с.
5. Ситковская О. Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2001. – С. 39.
6. Кригер Г. А. К вопросу о разграничении убийства в состоянии аффекта и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны // Вестн. МГУ. – 1961. – № 1.
7. Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1956. – 118 с.
8. Ткаченко В. И. Разграничение преступления при превышении пределов необходимой обороны от преступления, совершенного в состоянии аффекта // Социалистическая законность. – 1973. – № 9. – С. 63–64.

Статья поступила в редакцию 12.10.2006

THE CRIMINAL SIGNIFICANCE OF THE AFFECT*S. F. Starostina*

Criminal behaviour is often linked with feelings and emotions of the subject. That is why the problem of the affect has a great importance for the criminal law. Studying the problem of the criminal behaviour, the lawyer, first of all, is interested in its legal estimation. And its psychological structure is a subject of psychology. However, while evaluating the criminal behaviour, the lawyer cannot ignore its psychological elements because they are one of the grounds that define the degree of social danger of a crime and personality of a criminal. The structure of the constituent elements of a crime committed under the affect is rather complicated. Legislator describes not only the legal but also the psychological criteria (articles 107, 113 of the Russian Criminal code). Thus, the criminal significance of the affect includes the problem of the behaviour in the criminal law, emotions and their influence on the criminal behaviour, subjective aspect of the affected crime, the terms of the acquittal and the questions of the classification of affected crimes.